

Вера СЕРАФИМОВА

г. Москва

СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ, ПОИСКИ ПУТИ К СЧАСТЬЮ...

Общее в прозе Андрея Платонова и Юрия Казакова

Юрий Павлович Казаков родился на Арбате, в семье рабочего и медицинской сестры. В семилетнем возрасте пережил арест отца, реабилитированного в 1956 году. Получил музыкальное и филологическое образование. Основой для художественной прозы писателя, замечательных его рассказов и повестей послужили любовь к Северу, к его несметным просторам с величественной природой, встречи с людьми в рыбацких поселках и деревнях с их открытостью и любовью к труду, заложенные в мир впечатлительного подростка и юноши во время поездок к отбывавшему там ссылку отцу, пребывание во время каникул на Беломорье. Впечатления от природы, от людей, увлечение охотой, атмосфера покорения пространства станут основными темами его творчества.

Рассказы и повести были собраны и изданы после окончания Казаковым Литературного института им. А. М. Горького в ставших теперь знаменитыми сборниках «Манька», «На полустанке», «По дороге», «Голубое и зеленое», «Запах хлеба», «Калевала», «Осень в дубовых лесах». Проза писателя привлекла вскоре после публикации внимание и читателей, и критиков, и литературоведов на фоне знаменитых произведений «шестидесятников» – В. Аксенова, Е. Евтушенко, Ю. Нагибина.

Теплые отзывы на сборники, на прозу Ю. Казакова прозвучали в статьях К. Г. Паустовского, Ю. К. Олеси, И. Г. Эренбурга, Ю. М. Нагибина, М. А. Светлова, В. Б. Шкловского, В. Ф. Пановой. Товарищ Казакова по путешествиям на Беломорье поэт Е. Евтушенко назовет Казакова автором «...нежных дымчатых рассказов». Но отношение в редакциях к прозе Казакова не было однозначным, и не всегда его рассказы и повести торопились публиковать, так как в них не было той острой социальности, которую насаждала цензура.

Один из первых рассказов, принесенных Казаковым в редакцию журнала «Новый мир», был отклонен главным редактором журнала А. Твардовским, отметившим «талантливость и наследование писателем бунинских традиций». Идеологической основой журнала в тот период были ценности либерализма и демократического социализма. В начале 1970 года идейный лидер этого направления в тогдашней общественной жизни Александр Твардовский после долгой травли ушел в отставку с поста главного редактора, редакция была уволена.

Во времена перестройки (конец 1980-х годов) тираж журнала благодаря публикациям в нем ранее запрещенных произведений («Доктор Жива-

го» Бориса Пастернака, «Котлован» Андрея Платонова, «1984» Джорджа Оруэлла, но особенно – произведений Александра Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Раковый корпус») вырос до фантастических цифр. Тираж первого номера за 1990 год, например, равнялся 2660000 экземпляров. И уже в 2000 году по случаю 75-летия со дня рождения писателя и двадцатилетия со дня его смерти редакцией журнала «Новый мир» и Благотворительным резервным фондом была учреждена премия Юрия Казакова за лучший рассказ, написанный на русском языке и изданный в России.

В большинстве своих рассказов и повестей Казаков предстает как лирический писатель, как певец природы и человека, постигший самое сокровенное в человеке – величие, богатство его души, осознание долга и ответственности. От книг писателя исходит тихий свет, музыка, страсть к чистой, тонкой красоте и призыв к гармонии, совершенной, естественной жизни. Художественное совершенство его произведений потрясает. По утверждению критика М. Холмогорова, рассказы и повести писателя «...будут жить, пока жив русский язык, без них нет нашей литературы XX века».

В своих замечательных повестях и рассказах Казаков размышляет о путях выхода к гармонии, к согласованной жизни, пытается дать ответы на важнейшие вопросы бытия человека, остро ставит проблему человеческого счастья. «До сих пор я не выделял себе какую-нибудь проблему особенно. Мне кажется, что каждый писатель, имеющий смелость причислить себя к настоящей литературе, занят всю жизнь одним и тем же кругом проблем. Счастье и его природа, страдание и преодоление их, нравственный долг перед народом, любовь, осмысление самого себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов – вот некоторые из проблем, которые меня занимают. Эти же проблемы, по-разному поставленные, я постоянно встречаю в произведениях всех наших наиболее талантливых прозаиков и поэтов», – таким был ответ Ю. Казакова на вопросы анкеты журнала «Вопросы литературы».

Проблематика, интересующая Казакова, входит в проблематику классиков русской литературы: Л.Н.Толстого, И.А.Бунина, А.П.Чехова, А.Платонова, это проблема «смысла отдельного и общего существования», по выражению А.П.Платонова. Кредо писателя Казаков выразит в рассказе «О мужестве писателя»: «Все вместе вы хотите одного – чтобы мир стал лучше, а человек человечнее. У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь. Но у тебя есть твоя правда и твое сло-

во. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь должна быть лучше».

Наследование Казаковым традиций Андрея Платоновича Платонова было отмечено еще в 1962 году русским, советским критиком, доктором филологических наук Александром Алексеевичем Ниновым (1931–1998): «Литературные связи Юрия Казакова гораздо более современны, чем это принято считать. Кроме Пришвина и Бунина, вообще сохраняющих немалое влияние (пусть избирательное) на русскую прозу наших дней, Юрий Казаков многим обязан Андрею Платонову, Константину Паустовскому, северному художнику С. Писахову, о котором он отзывался в печати с большой любовью».

География рассказов писателя-москвича, родившегося на Арбате, – Русский Север, открытый когда-то М. Пришвиным в его книге «В краю непуганых птиц» и возвращенный нам через десятилетия в непревзойденных строках прозы-поэзии Ю.Казакова с красками, запахом, говором, с зорями, с белыми ночами Севера, с красотой его людей – «поморками», «маньками», с их чувством достоинства, могучих «Несторов» с их жизнестойкостью, умеющих трудиться «ловко», «разумно», любящих землю, любое дело, какое они делают.

Именно с Ю.Казакова «деревенская проза» начинает новый виток, который развернется в повести В.Белова «Привычное дело» (1967), в романах «Кануны. Хроника конца 20-х гг.» (1988), «Год великого перелома» (1991–1994). Не зря год издания «Привычного дела» Ф. Абрамов озаменовал как «год Василия Белова». А ведь эта повесть В.Белова во многом была предопределена уже «Северным дневником» Ю. Казакова, его рассказом «Нестор и Кир». Притча бабушки Евстолии, рассказанная ею внукам во второй главе повести «Привычное дело» и повествующая о пошехонцах, – это прямая аналогия с рассказом казаковского Нестора о «лодыре» – мужике Хныке, выявляющим истоки «разрухи» в стране: «Ему, лодырю, в лес некогда съездить, идет к дому, съезд ломает, после повесть, после и совсем весь! (...) Ах, зараза, ах, лодарь, я с батей на зверобойке – он дома в карты играет, я в горах камень ломаю – он с Марфуткой нашей, со шлюхой, водку лакает, последний хомут продает. У нас добыча – у него только го-го-го да га-га-га! Мы косить – он на охоту поидет. Поидет на охоту, сапоги последние сотрет, рябка и того не принесет. У нас сено, а он свою корову соломой ячменной кормит. На коровенку его глядеть – сердце изболит (...) А потом колхоз ког-

да организовали, он, этот Хнык, больше всех на богатых насакивал – как же, беднота-а, язви его душу! И кем же его сделали? (...) Завхозом он стал в колхозе. А как стал, так и совсем спился, все пропил, в Архангельск подался, там, наверно, начальником сделался».

Рассказ, как отмечается в предисловии к журнальной публикации, – «подвергся в свое время грубым редакторским сокращениям и порче, полный текст оставался читателю неизвестным. Рассказ вырос из путевого беломорского дневника Казакова 1958 года, был закончен в 1961-м, но напечатан лишь весной 1965 года в Алма-Ате» («Простор», № 4). Как отмечают Т.Судник и И.Кузьмичева, Ю.Казаков очень дорожил этим рассказом, писал тогда главному редактору «Простора» И. П. Шухову: «Эту главку (Нестор и Кир) я (...) предлагал многим журналам, но ни один не взялся напечатать. Можете поэтому представить мою радость, когда я увидел эту штуку, хоть и с купюрами, напечатанной».

В отечественном литературоведении Ю. Казакова называют мужественным писателем. «Вступая на путь лирической прозы, Юрий Казаков прекрасно осознал, на что шел. Не случайно его единственное эссе называется «О мужестве писателя». (...) Миллионы рассказов написаны до Казакова, миллионы будут писаться и после него... При чем тут мужество? А при том, что из миллионов сохранятся лишь десятки, оставленные после себя мужественными людьми», – справедливо и верно отметит исследователь и поклонник его творчества М. Холмогоров.

С гордостью и болью повествует «мужественный писатель» устами своего Нестора о «русской сметке» жителей Сибири, о том, как Нестор с отцом построили мастерскую – «печуру» – по переработке камня – «громادных серых плит спрессованного песчаника», как «вызнали эти места, где можно легко ее брать», как привозили их с гор ночью, как выкалывали из них «удивительно круглые точила и жернова», как с отцом «запряглись не хуже той лошади», как «со всей России заказы пошли» и как, наконец, раскулачили батю. («Пришла раскулачка, батю на Соловки забрали, очень он яростный был. Меня в колхоз забрили, мастерскую нашу туда же, а на кой она кому нада? Тогда одно надо было – церкву ломать, лошадей принапрягли, да канатом за маковку...»)

Образами своих северных мужиков – «Киров» и «Несторов» – передает писатель нравственные принципы народа – выжить, сохранить в себе человечность, «светлую душу», жить в ладу с совестью, превратить землю в сад. Вслушаемся в

монолог Нестора: «Я тут произрос (...) Если б нас таких не трогали, мы бы в гору пошли, – у нас бы тут на Кеге лесопильни стояли бы, холодильни, морозильни всякие по берегу, у нас бы тут дорога асфальтовая была бы, мы бы в Кеге-то, в реке-то бары расчистили б, дно углубили, тут порт был бы! Сколько лесу, рыбы, всяких ископаемых – я с экспедициями ходил, все тут знаю, у меня земля бы в забросе не лежала! (...) А теперь. Я в этом колхозе и не работал никогда, как поглядел, когда батю моего брали, да потом горлопаны эти шуметь стали – то им ловить, то не ловить, а собрались-то самая шваль полоротая, я и подался по экспедициям. То на судне гидрофизическом плавал, то с геологами – сейчас председателю бумагу в зубы: отпускаяй! Вот так и жил, смотреть не мог, что с деревней сделали!»

Процитированный большой фрагмент текста перекликается со многими, ставшими классическими, строками повестей, романов, рассказов писателей, представляющих «деревенскую» прозу, – и «Привычным делом» В. Белова, и романом В. Астафьева «Царь-рыба», и рассказами В.Шукшина, и тетралогией Ф.Абрамова «Братья и сестры», и повестью «Матренин двор» А.Солженицына. Так же, как и солженицынская Матрена, «могучий Нестор» Юрия Казакова, всю жизнь проработавший («не пивши, не евши – это тебе как?»), будет жаловаться, что он колхозник, что ему шестьдесят один год, что ему «следует пенсия, а вот не дают». «Пензия, пензия», – повторял он на разные лады, и опять я перебирал с ним возможность получения этой пенсии», – отметит герой-рассказчик.

Символично в повести Ю.Казакова «Нестор и Кир» и то, что сын Нестора – Кир – «идиот», «слабоумный», будто в насмешку названный таким звучным сильным именем.

Ю.П.Казаков унаследовал от А. Платонова жажду постижения самого «сокровенного» в человеке – богатства его души, включая связи с родной землей, осознания им своего долга и ответственности. Эти проблемы возникают в прозе Ю.Казакова в связи с темой коллективизации и раскулачивания, т.е. того самого грубого насилия одних людей над другими, что и в прозе А.Платонова. В монологе героя рассказа Казакова «Нестор и Кир» (1961) о лодыре, мужике Хныке выявляются истоки разрухи в стране в том же ключе, как они видятся платоновскому герою.

Казаков не мог не прочитать «Котлован» Платонова, опубликованный в России в 1987 году. Мы говорим о родственности произведений, о сходстве типов мышления писателей. При сопостав-

лении процитированного выше фрагмента текста из рассказа «Нестор и Кир» с эпизодом беседы Копенкина с бедняком Недоделанным в романе «Чевенгур» Платонова наблюдаются смысловые параллели. На требование Копенкина о революционном дележе скота платоновский философ из народа ответит: «По-моему, годов через пять выше куры скота ни у кого не будет. Кому охота маток телить для соседа? Да и нынешний-то скот, не доживя веку, подохнет. У того же Петьки мой рысак первым ляжет – человек сроду лошадь не видал, а кроме кольев, кормов у него нету», – и своими трезвыми рассуждениями приведет Копенкина в растерянность.

Казаков вписывает коллективизацию в жизнь деревенского жителя, в быт своего героя. «Кулак – как бы не так! Нас вот с батей разорили, все побрали. Теперь гляди с другой стороны что получается. Деньги, какие у нас были, имущество, они что ж – с неба к нам упали? Али подарил кто? Иль эти твои бедняки поднесли нам?» – с горечью вопрошает рассказчик.

В своих произведениях «На полустанке», «Запах хлеба», «Голубое и зеленое», «Тихое утро», «Арктур – гончий пес», «Нестор и Кир», «Проклятый Север», «Плачу и рыдаю...», «Осень в дубовых лесах» Ю. Казаков передает в непревзойденных строках прозы-поэзии краски, запахи, говоры, зори, белые ночи, красоту русской земли, красоту Севера и живущих на земле людей с их чувством достоинства, с их жизнестойкостью. Замечателен искренностью лирической исповеди героя рассказ «Осень в дубовых лесах», повествующий о «счастье взаимного существования» (фраза Платонова) двоих, любящих друг друга и находящих радость в каждой вместе прожитой минуте: «Я поставил на пол к печке шубу мехом вверх, мы поставили рядом чайник и конфеты, взяли чашки и легли на эту шубу, глядя попеременно то друг на друга, то в розовую топку, на угли, как по ним перебежали огоньки (...) Часа в два ночи я встал в темноте, потому что не мог спать. Мне казалось: если я усну, она куда-то уйдет от меня, я не буду ее ощущать, а мне хотелось, чтобы она была все время со мной и я бы это знал. «Возьми меня в свои сны, чтобы я был всегда с тобой! – хотелось мне сказать. – Потому что нельзя расставаться надолго».

В рассказе «Осень в дубовых лесах» ярко проявляются романтические и импрессионистические черты прозы писателя, реалистической в своей основе, что делает его «поэтом в прозе», «собирателем прекрасных мгновений».

Героев рассказов Ю. Казакова «На полустанке»,

«Поморка», «Трали-вали», «Манька», «Нестор и Кир», «Плачу и рыдаю», «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» роднит с «сокровенными» героями Платонова вслушивание в голоса, в звуки, исходящие от мира, от людей, от природы, постоянная тоска «по иной» – совершенной жизни, любовь к человеку, к своей земле.

В свою творческую парадигму Казаков включает наиболее важные элементы традиции, креативную деятельность человека, ценностные ориентации. Размышления героев о смысле жизни, напряженная внутренняя жизнь, обуславливающая способность человека изменяться, «трансцендировать себя в направлении смыслов» (В. Франкл), предстают в произведениях Казакова как характерная черта русского национального характера.

Герой рассказа Казакова «Трали-вали» бакенщик Егор избалован «легкой, стариковской работой», он очень молод, «но уже пьяница». Относится ко всему «с равнодушием, с насмешкой, ленив необыкновенно, денег у него бывает много, и достаются они ему легко. Моста поблизости нет, и Егор перевозит всех, беря за перевоз по рублю. А в раздражении – и по два».

Вся прелесть рассказа Казакова в том, что герой дан не в статике, как и герои Платонова. Казаков внимателен к переживаниям, ко всем оттенкам чувств своего героя, воссоздает характер во всей его неоднозначности. В общении с природой, в размышлениях герой рассказа «Трали-вали» постигает смысл жизни, и смутное беспокойство охватывает его. Егор «выходит на берег, садится или ложится под кустом», «чутко слушает и смотрит в темноту на отраженные в реке звезды, (...) Притворяться ему в такие минуты не перед кем, и лицо его становится грустным, задумчивым. Томно у него на сердце, хочется чего-то, хочется уехать куда-нибудь, хочется иной жизни». Через описание, внутренний монолог героя рассказа «Трали-вали» передает Казаков богатую духовную жизнь Егора: «Идет мимо него жизнь! Что за звон стоит в его сердце и над всей землей? Что так манит и будоражит его в глухой вечерний час? (...) А ведь прекрасна же его родина – эти пыльные дороги, исхоженные, истоптанные с младенчества, эти деревни – каждая на особицу, каждая со своим говором, со своими девками, деревни, куда так часто ходил он вечерами, где он целовался, прячась во ржах, где дрался не раз до крови, до беспомысленности; прекрасен и сизый дым костра над рекой. (...) Прекрасна и осень с ее скукой, дождиком, с пахучим, ночным ветром. (...) Так почему же просыпается он, кто зовет по ночам его, будто звездный крик гудит по реке: «Его-о-ор!» И

смутно и знобко ему, какие-то дали зовут его, го-рода, шум, свет. Тоска по работе, по настоящему труду – до смертной усталости, до счастья!» Отметим, что Казаков не мог прочитать роман Платонова «Чевенгур», опубликованный лишь в 1988 году, но сегодня мы можем выявить явные переклички в характеристике персонажей. Монолог героя из рассказа Казакова «Трали-вали» обнаруживает переклички с характеристикой Саши Дванова из романа Платонова «Чевенгур», наделенного автором такими качествами, как неравнодушные к миру, стремление к «счастью взаимной жизни» и «деланию», «прислушивание к голосам, исходящим от мира»: «Как и каждого человека, его (Дванова. – **В.С.**) влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи скучали по нем и звали его». Прямая перекличка между героями Ю. Казакова и А. Платонова выявляется при сопоставлении фрагментов текстов как в изображении духовного богатства, напряженной внутренней жизни человека, его характерных черт, так и в использовании однородной лексики, слов и выражений, совпадающих почти слово в слово – «даль земли», «влечет даль земли», «дали зовут», «счастье», «счастье взаимной жизни».

Процитированный фрагмент текста из рассказа Ю. Казакова «Трали-вали» вызывает аналогии и со стихотворениями А. Платонова «Я сердцем знаю», «Вечерние дороги», в которых через образ музыки Платонов передает слитность человека с природой. Показательно и то, что стихотворение «Вечерние дороги» Платонов включил в книгу «Поющие думы»:

*Звезды вечером поют над океаном,
Матерь Бесконечность слушает одна.
Наклонился к миру месяц-странник,
И душа ему моя видна.
О прохладные вечерние дороги
И дыханье – музыка моя!
Песня в поле жалуется долго,
Плачут звездами небесные края.
Все слова таит душа незримая,
Нету ей ни хлеба, ни воды.
Наклонись ко мне, моя любимая,
Мне не перенести ни песни, ни звезды.*

Рассказ Казакова «Трали-вали» с его героем, певцом-забудыгой рассматривается в литературоведении как одна из аналогий тургеневского рассказа «Певцы». И в рассказе Ю. П. Казакова, и в рассказе Ивана Сергеевича Тургенева повествуется о таланте русского человека, необъяснимом, загадочном, прорастающем из самой души.

«И при первых же звуках его голоса мгновенно смолкают разговоры – непонятно, с испугом все смотрят на него! Не частушки поет он и не современные песни, хоть все их знает и постоянно мурлычет, – поет он на старинный русский манер, вразяжку, как бы неохотно, как бы хриловато, как, слышал он в детстве, певали старики. Поет негромко, чуть играя, чуть кокетничая, но столько силы и пронзительности в его тихом голосе, столько настоящего русского, будто бы древнебылинного, что через минуту забыто все – грубость и глупость Егора, его пьянство и хвастовство, забыта дорога и усталость, будто сошлись вместе и прошлое и будущее, и только необычайный голос звенит, и вьется, и туманит голову, и хочется без конца слушать, подпершись рукой, согнувшись, закрыв глаза, и не дышать и не сдерживать сладких слез», – писал Казаков.

Точное определение стиля прозы, выразившегося в его музыкальности, дал Игорь Георгиевич Штокман в своих статьях «Адам и Ева», «Долгое эхо»: «Зачаровывала и трогала душу уже сама мелодика его письма, – пишет он, – это будто песенная основа, строжайше выверенная тонким, чутким внутренним слухом и безукоризненно выдержанная <...> Тембральный писатель», – сказали мне как-то о нем, и я понял, что имел в виду мой собеседник. Это переливы голоса, долгое, почти певческое дыхание, когда фраза тянется, длится, переходит из строки в строку, а замерев, отозвавшись в тебе тихим, как выдох, последним улетевшим звуком, вновь берет разбег в следующем абзаце, снова нарастает плавно набирающую силу рокотом».

Исследователи творчества Ю. Казакова как характерную особенность стиля писателя отмечают поэтизацию человека труда. Литературовед Ада Сконечная в предисловии к «Северному дневнику» писателя отметит, что герои писателя «...никогда не рассказывали о своей трудной работе, полной иногда смертельных опасностей, как о подвиге». Именно на Севере, подчеркнет Сконечная, Казаков понял, что силы, красота человека, его способности беспредельны», «...именно на Севере он остро ощутил, что степень душевной причастности человека своему делу – это одновременно степень его причастности гармонии окружающего мира и мерило нравственного достоинства... Писатель заболел Севером, здесь с особой силой почувствовал любовь к человеку, и это стало для него главным».

В рассказе «Поморка» Казаков тщательно и бережно прослеживает жизнь одинокой девятиностолетней старухи Марфы с юных лет, когда она бы-

ла молодой и, по словам стариков, красавицей и любила своего Ванюшу, и «как талантлива, яростно неумна была она на любую, даже самую тяжелую, грязную работу», напишет и о том, как она бежала к морю, кидалась в волны, не дождавшись родных, и как она молится перед иконой Николая-угодника. Молится она не за себя – за тех, «кто на рыбных промыслах в Баренце. – Пошли, господи, им поветерь. (...) Не погуби, господи, сохрани их, Николушка! Пошли им погодушку, небушко чистое, водицу светлую». С бесконечным, врожденным трудолюбием продолжает Марфа делать то, к чему была она приучена с ранних лет. «Чего только не переделает она за день», – с восхищением вспоминает о ней герой-рассказчик.

В традициях русской классики, прозы А.Платонова, В.Распутина («Третий сын», «Прощание с Матерой», «Последний срок») прослеживается и готовность принятия смерти героиней Казакова в рассказе «Поморка»: «Умирать ей не страшно. Она непоколебимо убеждена в справедливости жизни, в справедливости и необходимости прихода смерти. – Могилка-то давно меня ждет, – ласково, как о чем-то приятном, говорит она, глядя поверх меня тусклыми глазами. – Там и батюшка, и матушка мои повалены лежат. И сыны там, все там. Небось по мне соскучились. А я, слава тебе, царица небесная, пожила».

В очерке «Тыко-Вылка» Казаков поэтизирует отношение к жизни, к людям, к творчеству талантливого ненецкого художника, учителя, промысловика, «умеющего читать книгу природы» Тыко-Вылки (русское имя – Илья Константинович). «Много мужества нужно было иметь, чтобы жить на Новой Земле, и не только охотиться, кормить детей и себя, и жену свою, но еще находить силы для того, чтобы заботиться о других, постоянно объезжать все становища и избушки, не пропуская ни одной, и каждому приходиться на помощь».

«Тыко-Вылка» написан Казаковым в 1972 году, мы не располагаем данными, что Ю. Казаков где-то отозвался о книгах А. Платонова, но очевидна близость его героев платоновским героям в своем мироощущении, в стремлении «очеловечить мир», «искать путь к другому человеку», ждать помощи «от другого человека», противостоять трудностям, делая мир прекрасным. «Вылка был добросердечен и храбр, он был Учитель. Он учил не только ненцев, но и русских, он говорил: не бойтесь жить, в жизни есть высокий смысл и радость, жизнь трудна, но и прекрасна, будьте мужественными и терпеливыми, когда вам трудно! (...) Любите землю, – говорил он, – это наша советская земля! Любите, не обижайте друг дру-

га. Никогда не плачьте, знайте: суровая земля слабых не любит... Будьте крепкими, как Север».

Ю. Казаков был одним из писателей, которые стояли у истоков «деревенской» прозы 60–70-х годов, кто продолжил и развил линию А. Платонова в художественном отображении «*тревоги бедных деревень*». Глубокое чувство действительности, присущее Платонову и возникающее из практики «*тесного, трудного ощущения мира*», являются неотъемлемой принадлежностью и казакского рассказа «На полустанке».

Предельно сжато и лаконично описывает Казаков то, что происходит на заброшенной северной станции в холодную пасмурную осень и навсегда разлучит героев рассказа. Прощаются парень и девушка, он уезжает, она остается. Психологические портреты, данные в самом начале рассказа, предваряют то, что произойдет здесь в течение нескольких минут художественного времени и приведет к окончательному разрыву героев. «Возле телеги на чемодане сидел вихрастый рябой парень в кожаном пальто, с грубым, тяжелым и плоским лицом. Он частыми затылками курил дешевую папиросу, сплевывал, поглаживал подбородок красной короткопалой рукой, угрюмо смотрел в землю. Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазами и выбившейся из-под платка прядью волос. В лице ее, бледном и усталом, не было ни надежды, ни желания; оно казалось холодным, равнодушным. И только в тоскующих темных глазах ее притаилось что-то болезненно-невывыказанное. Она терпеливо переступала короткими ногами в грязных ботинках, старалась стать спиной к ветру, не отрываясь смотрела на белое хрящеватое ухо парня». Короткой кульминации этой драмы предшествует немногословный диалог, раскрывающий эгоизм, черствость, отсутствие души в герое, именно те внутренние качества, которые были заданы в описании его портрета, переданы в психологических тропах – «*грубый*», «*тяжелый*», «*плоский*», «*угрюмо*».

Из диалога выясняется, что у парня «жизнь-то повернулась», «норму мастера жиманул запросо»: «теперь мое дело – порядок! Чего мне теперь в колхозе? Дом? Дом пустой матери с сестрой достается, не жалко. Я в область, сейчас мне тренера дадут, опять же, квартиру (...) – А я как же? – тихо спросила девушка». В погоне за благоустроенной жизнью герой готов бросить родных, любящую его девушку, которой ему трудно и стыдно перед прощанием заглянуть в глаза: «За границу ездить буду, житуха начнется – дай бог! (...) Мне на рекорды давить надо (...) Мне вот одного жалко: не знал я этой механики раньше...»

Психологический портрет девушки – «*тоскующие глаза*», «*болезненно-невысказанное в глазах*», «*бледное, усталое, без надежды и желания лицо*» – дает возможность узнать все, что пережила девушка до диалога на станции. Последней фразой, брошенной уже с подножки тронувшегося поезда, – «Слышь... Не приеду я больше! Слышь...» – парень раскроется до конца. Психологическую функцию выполняет в финале рассказа символическая пластика – «Девушка сидела не шевелясь (...) потом в последний раз оглянулась на полустанок и легла в телеге ничком».

Казаков выразит печаль от несовершенства жизни, прибегнув к излюбленному фольклорному образу, – образу лежащего «вниз лицом» человека (ничком). Образ лежащего «вниз лицом» человека – символизирует состояние тоски, душевной жалобы к матери-земле – это фольклорный образ. Вниз лицом ляжет Москва Честнова в романе Платонова «Счастливая Москва» после того, как она проведет ночь с Сарториусом в землеройной яме и Сарториус узнает «всю Москву полностью, все тепло, преданность и счастье ее тела». Поза Москвы («*Москва отвернулась и легла вниз лицом*») символизирует душевную жалобу к матери-земле. «Жизни не вышло. Я боюсь, что она никогда не выйдет, и я теперь спешу», – скажет Москва Сарториусу. Мучительное размышление Москвы понимает Сарториус: «Но он понимал мучительное размышление Москвы, что самое лучшее чувство состоит в освоении другого человека, в разделении тягости и счастья второй, незнакомой жизни, а любовь в объятиях ничего не давала, кроме детской блаженной радости, и не разрешала задачи влечения людей в тайну взаимного существования». Авторский голос сливается, как и в заключительной фразе казаковского рассказа, с речью повествователя в разделении тревоги героинь. «Символическая пластика расставляет акценты – смысловые и эмоциональные с определенной жесткостью» (См.: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / Ред.-сост. Н.В.Корниенко). Доказательны ссылки литературоведа М. Родкевич на цикл статей Н.Ф. Федорова о регуляции природы, открываемые разделом «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь».

Казакову дорог мир в его общности и цельности, во всем, что вносит в мир человек, обустроивая жизнь, на деле осуществляя «поиски путей друг к другу» (фраза Платонова из очерка «Че-Че-О»). В автобиографическом рассказе «Какие же мы посторонние» из «Северного дневника» Ю.Казаков на новом витке русской литературы развивает плато-

новские традиции, актуализирует кардинальную идею Платонова из рассказа «Старый механик» – «А без меня народ неполный!» В рассказе Казакова группа корреспондентов и охотников, среди которых находится и герой-рассказчик, прилетают из Архангельска на зверобойный промысел и оказываются желанными гостями в деревенском доме. Зовывает их в дом дочь старого помора, которая, как потом выясняется, больна и знает о своей болезни. За праздничным столом и происходит разговор, в котором молодая женщина, дочь старика, зазвавшая гостей, высказывает мысли, столь естественные как для казаковских героев, так и для героев Платонова. «Жалко мне вас, – сказала она. – Может, и не увидимся больше. Ведь опухоль какая-то у меня в мозгу, я знаю. А жалко же мне вас! Вот сидим теперь, а потом...»

Все уже знали, наверное, про ее болезнь, застали на минуту и опять заговорили, а мне стало грустно как-то уходящих наших дней.

– Да я о себе не думаю, я вот о других думаю, как они тут будут без меня? Как на свете-то станет без меня, а? Ведь горе же будет, а?

– Еще бы! – серьезно сказал я.

– Вот и я думаю, не тот без меня будет белый свет...

Я стал рассказывать ей об институте Бурденко, она кивнула несколько раз и повеселела...»

В процитированном фрагменте доминирующими являются диалогические отношения, диалог становится сферой духовного общения. «Доминирующим началом человеческого существования является межличностная коммуникация. Диалогичность – это открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовность к общению «на равных», дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия», – писал М.М.Бахтин. Диалог, перерастающий в полилог, знаменует возникновение новых смыслов, их неправомерно сводить лишь к противоречию и спору, в данном фрагменте диалогические отношения – это сфера духовного обогащения экспедиционеров, прибывших в село Нижние Золотицы под Архангельском, и их единения с местными жителями. Голос автобиографического героя-рассказчика, несобственно-прямая речь, передающая видение и реакцию персонажей на увиденное и услышанное, внесение их комментариев в текст, сказовая манера речи делают рассказ Казакова «Какие же мы посторонние?» пронзительным в осмыслении философских проблем жизни и смерти, вечных ценностей. В рассказе

проявляется суть русской души. Вопрос в самом названии не требует ответа, это риторический вопрос. Автор доносит до читателя мысль, что все люди – братья. Отличительной особенностью рассказа является то, что главными героями выступают не рассказчик со своими друзьями, а простые люди, встреченные во время экспедиции на Север. Больная женщина в праздничный день 8 Марта уговаривает приехавших москвичей отпраздновать праздник у нее в доме, и они чувствуют себя комфортно, уютно. Акцент ставится на последней фразе автора-рассказчика – «Я стал рассказывать ей об институте Бурденко, она кивнула несколько раз и повеселела».

Тема Севера и единения людей становится одной из главных и в этом рассказе. Казаков любил ездить на Русский Север, эта земля влекла его первозданной самобытностью. Простыми, красочными словами описывает писатель пейзажи этих земель: «Пустынная река по сторонам была сначала, далекие берега, поросшие елью. Иногда слева распахивались пространства до самого моря. Но скоро дорога свернула в лес. На реке тянул ветерок, перетягивал через дорогу шнуры сухой снежной пыли. В лесу было тихо. Догорал светлый мартовский день. Небо на западе расчистилось, нежно бирюзовело, но и в розовое одевало. Березы краснели и сизели паутинкой своих верхних ветвей». Описанный пейзаж создает зрительную картину акварели, созданную художником. Север предстает в рассказе, как и во всей прозе Казакова, с его необъятными просторами, с бушующей стихией, своим миром и иерархией. Здесь выживают сильные духом люди, несмотря на все трудности и тяжести жизни, они не теряют своей простоты, гостеприимства и широты души, что является отличительной особенностью национального характера. Таким предстает старик, отец больной женщины, пригласившей людей к себе. Веселый бодрый человек, перенесший много испытаний на своем жизненном пути. Обычные люди, пишущие историю народа.

Важным мотивом в сюжете является мотив памяти, усиливающий доминантную мысль рассказа и объединяющий произведения Казакова в единый целостный сюжет. Автор-рассказчик все время держал в памяти человека, местного жителя Василия Дмитриевича Пахолова, у которого он останавливался шесть лет назад, хотел напомнить ему о себе, узнать о нем. И Пахолов вспомнил, несмотря на то, что столько людей останавливались у него за это время.

Символом Севера в рассказе является женщина, которую экспедиторы встретили в деревне

под Архангельском и она пригласила их в дом. Она доказывает героям, что все люди на Земле не посторонние друг другу: «А вы говорили – посторонние! Все люди... Так и помните – все люди на земле... Какие же мы друг другу посторонние? Все люди... Так и помните – все люди на земле...» Ей жалко людей в мире, когда они разобщены и каждый друг другу чужой, где каждый сам за себя. Она не жалеет себя, хотя знает о своей смертельной болезни, она жалеет других. Она пытается сплотить людей, и ей грустно. Фраза «какие же мы посторонние?» – является лейтмотивом рассказа и всего творчества Казакова. Она соединяет миры рассказчика и людей Севера, объединяет людей Вселенной. Символично, что в конце дороги домой герои увидели в темноте мигающий буй в устье реки. Философский рассказ Казакова дает понять смысл фразы, вложенный в уста женщины – «... какие же мы посторонние?».

Созданный Казаковым художественный мир ассоциируется с платоновскими мотивами «жизненной нужды», «постороннего». Мотив «постороннего прохожего» из рассказа А. Платонова «Афродита» – «Ты на земле не посторонний прохожий» – найдет развитие и сходное разрешение в сюжете рассказа Ю. Казакова «Какие же мы посторонние?», и в сюжете замечательной повести В.Распутина «Последний срок», и станет доминантной идеей об общности людей и цельности мира русской литературы XX – начала XXI в.

Сопоставление прозы А. Платонова и Ю. Казакова позволяет говорить о сходном художественном разрешении проблемы семьи, дома, отношении героев писателей к детям, к смерти. Рассказы Казакова «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» близки прозе Платонова тончайшим и глубоким исследованием духовных контактов взрослых и ребенка. В этих рассказах в наиболее концентрированной форме развивается и актуализируется платоновская концепция детства, нашедшая воплощение в философии из повести «Котлован»: «Насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтобы она (девочка. – **В.С.**) была жива». Казаков в духе платоновских «сокровенных» героев фиксирует мельчайшие изменения в переживании автобиографического героя-рассказчика за судьбу ребенка. Радость от общения взрослого с сыном сменяется тревогой, страхом за его жизнь, что он может заблудиться во время прогулки в лесу, что могут опять рваться бомбы и литься детские слезы, что может «кануть в небытие (...) счастливое ослепительное время блаженства», и душа ребенка будет «с каждым годом отдаляться отдаляться ...». Рассказ «Во сне ты горько плакал» вы-

деляется тонкостью и глубиной психологических наблюдений, обращением к евангельскому архетипу «души»: «Такая тоска забрала меня вдруг... хоть вешайся!» – такими словами начинается рассказ писателя, вызванный тревогой за бытие, духовное состояние сына. «В твоём глубоком, недетском взгляде видел я твою, покидающую меня душу (...) Но хриплым, слабым голосом звучала во мне и надежда, что души наши когда-нибудь опять сольются, чтобы уже никогда не разлучаться. Да! Но где, когда это будет?» В рассказе осмысливаются вопросы и жизни, и смерти, и тяготение душ, детской, только явившейся в мир, и взрослого человека, уже умудренного житейским опытом, пережившего смерть друга, сознательно расставшегося с жизнью, и воспоминания автобиографического героя-рассказчика о большом горе, пережитом в детстве, когда он в одной кучке с женщинами и детьми наблюдал за людьми в гимнастерках, охраняющих мужчин, выстроенных в шеренгу, а за шеренгой возвышалась насыпь, на которой стояли теплушки, выпускающий высокий черный дым паровоз.

Бесстрашное распознавание жизни, трагических ее обстоятельств, особенно обострившееся у Платонова к концу 30-х годов, свойственно и перу Казакова. «Торопливо сунув мне тяжелый узелок с бельем и консервными банками, мать подтолкнула меня, крикнув вдогонку: «Беги, сыночек, к папе, отдай ему, поцелуй его, скажи, что мы его ждем!» – и я, уставший уже от жары, от долгого стояния, обрадовался и побежал... (...) Я бежал, погляды-

вая то себе под ноги, то на отца, у которого я различал уже родинку на виске, и вдруг увидел, что лицо его стало несчастным, и чем ближе я к нему подбегал, тем беспокойней становилось в шеренге, где стоял отец...» Рассказы «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» – это рассказы о духовных контактах поколений, о сыне, который спасал отца от одиночества, и о мыслях, переживаниях отцов, о мучительной и счастливой одновременно зависимости от их душевного состояния взрослого и ребенка, о стремлении оградить мир и человека от зла, враждебности, гармонизировать мир, сделать «яростный» мир «прекрасным».

Проза Андрея Платонова и Юрия Казакова не имеет ничего общего с морализаторством, она обогащает опыт чтения, обогащает читательскую способность говорить «да» и «нет» поступкам героя. С А.Платоновым Ю.Казакова сближает внутренняя биография человека, связи человека с другими людьми, поиски пути к счастью. Казаков унаследовал от Платонова жажду постижения самого сокровенного в человеке – богатства его души, включая связи с родной землей, осознание человеком своего долга и ответственности.

□

Вера Дмитриевна СЕРАФИМОВА –

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв.

Московского педагогического государственного университета,

литературовед.

Более 40 лет занимается изучением русской поэзии и прозы XX в.

Автор монографии «Андрей Платонов

и философско-эстетические искания русской литературы

второй половины XX века

(В. Шукшин, В. Распутин, Л. Бородин)»,

автор множества научных, научно-методических статей,

учебных пособий.

